

А. В. Прошин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Vizuvy123@gmail.com

ORCID 0009-0009-6954-7956

ДВА ЛЕТОПИСНЫХ НЕКРОЛОГА ВЛАДИМИРУ МОНОМАХУ: ИСТОРИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Статья посвящена текстологическому анализу и сравнению двух некрологов Владимиру Мономаху в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Автор устанавливает связь обоих текстов в текстологической перспективе и их место в традиции летописных посмертных панегириков.

Ключевые слова: Владимир Мономах, Древняя Русь, летописные некрологи, Ипатьевская летопись, Лаврентьевская летопись, Киевский свод, переяславское летописание, текстология

Автор выражает глубокую признательность Е. А. Конявской, П. С. Стефановичу и всем, кто советами и замечаниями способствовал появлению этой статьи.

Среди летописных посмертных панегириков князьям¹ весьма примечательны некрологи Владимиру Мономаху (ум. в 1125 г.): один в Лаврентьевской (далее – Лавр.) и близких к ней Радзивиловской (далее – Радз.) и Московско-Академической (далее – М.-А.) летописях² в статье 6633 г., другой – в статье 6634 г.³ Ипатьевской летописи (далее – Ипат.)⁴. При значительных различиях оба текста содержат несколько схожих фрагментов, что позволяет поставить вопрос о возможной текстологической связи между некрологами, тем более что текстуальные и смысловые совпадения наблюдаются на всем протяжении повествования Лавр. и Ипат. за XII в. Приведем оба некролога в таблице, обозначив сходства подчеркиванием (курсивом дополнительно обозначены повторы в тексте Ипат.)⁵:

Лавр.	Ипат.
«В лѣто 6633 (1125), индикта третьяго лѣта. Преставися <u>благовѣрнии</u> и великий князь <u>русский</u> Володимеръ, сынъ <u>благовѣрна</u> отца Всеволода, украшенный добрыми нравами, прославивши в побѣдах, <u>его</u> <u>имене</u> <u>трепетаху</u> <u>вся страны</u> , <u>и по всѣм земалям изиде</u> <u>слух</u> его, понеже убо онъ всюо душею възлюбилъ Бога. Но и мы мнимся Бога любяще, но аще потщимся заповѣди его схранити, тогда явимся Бога любяще: “Любятъ бо мя, – рече, – заповѣди его (в Радз.: моа. – А. П.) хранити” (Ин 14: 21). Се же чудный князь Володимеръ потщася Божья хранити заповѣди, и Божьи страхъ присно имѣя в сердци, поминая слово Господне, иже рече: “О семь познають вы вси чловѣци, яко мои	«В лѣто 6634 (1125). <u>Преставися</u> <u>благовѣрнии</u> и благороднии (“и благороднии” зачеркнуто в рукописи. – А. П.) князь, христолюбивый <u>великий князь</u> <u>всѣя Руси</u> Володимеръ Мономахъ, иже просвѣтилъ Рускую землю, аки солнце, луча пушая. <u>Егоже</u> <u>слухъ</u> <u>произиде по всимъ странамъ</u> , <u>наипаче же бѣ страшень</u> <u>поганымъ</u> , братолюбець и нищелюбець, и добрый страдалецъ за Рускую землю. Сего приставление бысть <u>мая въ девятии на десять</u> . И, спратавше тѣло его, <u>положиша у святѣи Софѣ въ-ѣтъца Всеволода</u> , пѣвшие обычныя пѣсни над нимъ. Святители же, жалаящеся, <u>плакахуся</u> по святомъ и добромъ князи, <u>весь народъ</u> и <u>вси людие</u> по немъ <u>плакахуся</u> , якоже дѣти по

¹ Стойкого обозначения этих текстов не сложилось. Хотя все чаще они именуются некрологами, для удобства мы будем называть их также (посмертными) панегириками или похвалами, что не противоречит их сущности – восхвалению почившего князя.

² Лавр. сохранила более раннюю версию владимирской летописи, нежели Радз. и М.-А. [Шахматов, с. 11–12], входящие к владимирскому своду 1205/1206 гг.

³ Статья ультрамартовская [Бережков, с. 133].

⁴ Кроме Ипат. текст некролога передает только Погодинский список (далее – Погод.) Хлебниковской летописи (далее – Хлеб.), единственный сохранивший утраченные листы последней. Отсутствие в сцене отпевания и плача по Погод. ряда повторов [ПСРА, т. 2, стб. 289] может быть признано, ввиду нарушения грамматической структуры текста, поздним сокращением, произведенным в Хлеб. или Погод.

⁵ Текст приводится в упрощенной орфографии, с раскрытием всех сокращений.

ученици есте, аще любите другъ друга, и любите врагы ваша, и добро творите ненавидящим вас" (Ин 13: 35; Мф 5: 44). Вся бо зломыслы его вда Богъ подѣ рудѣ его, поне не взношашеся, ни величашеся, но на Бога възлагаше все, и Богъ покаряше подѣ нозѣ его вся врагы. Он же, заповѣдь Божью храня, добро творяше врагом своимъ, отпускаше я одарены. Милостивъ же бѣше паче мѣры, поминая слово Господне, глаголющее: "Блажени милостивии, яко ти помиловани будут" (Мф 5: 7); и "Блаженъ разумѣваяи на нища и убога, яко в день лютии избавити и Господь" (Пс 40: 2). Тѣмъ и не щадяше имѣнья своего, раздавая требующим, и церкви зижя и украшая. Чтѣшеть же излиха чернечьскыи чинъ и поповьскыи, подавая имъ еже на потребу и приимая от них молитвы. Велику же вѣру стяжа к Богу и сродникома своимъ, к святыма мученикамъ Борису и Глѣбу, тѣмъ и церковь прекрасну созда на Лѣтѣ во имя ею, идеже стаго Бориса кровь прольана бѣсть. Жалостивъ же бѣше отинудъ и даръ си от Бога прия, да егда в церковь внидашеть, и слыша глѣнь, и абѣ слезы испущашеть, и тако молбы ко Владыцѣ Христу со слезами воспушаше. Тѣмъ и Богъ вся прошеня его свершаше и исполни лѣта его в добродѣствѣ. И посѣдѣ Киевѣ на отни столѣ 13 лѣт и в лѣто 6633 (1125) от начала миру преставися, <u>мая мѣсяца в 19 день</u>, живъ от рожества своего лѣт 73 лѣта. Преставися на Лѣтѣ, у милое церкви, юже созда потщаньемъ многимъ. Сынове же его и бояре несоша [и] Киеву, и <u>положенъ бѣсть в святѣи Софѣи у отца своего</u>» [ПСРЛ, т. 1, стб. 293–295].	отцу или по матери. Плакахуся по немъ вси людие и сынове его: Мьстиславъ, Ярополкъ, Вячславъ, Георгии, Андрѣи – и внуци его. И тако <i>разидошася вси людие с жалостью великою</i>, тако же и сынове его <i>разидошася</i> кождо въ свою волость с <i>плачемъ великомъ</i>, идеже бѣше комуждо ихъ раздаялъ волости» [ПСРЛ, т. 2, стб. 289].
--	---

В первую очередь в текстах есть совпадения фактического характера: 1) дата кончины князя, 19 мая, и 2) место его погребения, собор Св. Софии, – сведения, традиционно фиксируемые некрологами. Во-вторых, совпадает именование Владимира Мономаха благоверным и великим князем, хотя владетельная часть «титула» в обоих случаях различается: Лавр. называет его князем «руским», а Ипат. – «всѣя Руси». «Титулование» князей и наделение их благочестивыми эпитетами в панегириках вариативно, в то время как некрологи Мономаху содержат общую основу «благоверный великий князь» и схожую владетельную часть – элемент, встречающийся среди некрологов до 1125 г. лишь в панегирике Ярославу Мудрому: «князь русьскыи/рускыи» [ПСРЛ, т. 1, стб. 161; т. 2, стб. 149].

Обнаруживаются также сходства между характеристиками князя. Согласно обоим летописям, «слух» о Владимире проходит по всем землям (Лавр.) или странам (Ипат.). Оба некролога сообщают о внушаемом Мономахом страхе, но Лавр. в качестве объекта устрашения обобщенно называет «всѣя страны», а Ипат. – «поганых». Хотя текстуальных совпадений в последнем случае нет, показательно само обращение к этим темам сразу в двух текстах. Напротив, текстуальное сходство наблюдается в сообщении о погребении князя. Кроме фактического места погребения, в обоих некрологах появляется дополнение «у отца своего / Всеволода», которое не встречается в летописях ранее. На идейном уровне совпадает и отмеченное милосердие князя: в Ипат. – эпитетом «нищелюбец», а в Лавр. – пространной характеристикой с библейскими цитатами. Впрочем, милосердие является общим местом большинства некрологов.

Вместе с тем смысловые и текстуальные совпадения есть и между текстами Лавр. и Ипат. за XII в.: до середины XII в. обе летописи сообщают преимущественно о южнорусских собы-

тиях, а далее Лавр. передает северо-восточное летописание, которое отражается и в Ипат. Вне сомнения, сходства между некрологами Мономаху не являются случайными, что свидетельствует о явной текстологической связи между ними. Вопрос заключается лишь в соотношении текстов: какой из них первичен, а какой является его редакцией. К данной проблеме обращался только А. Н. Насонов. Согласно его концепции, Киевский свод (далее – КС) конца XII в. – часть повествования Ипат. за XII в. – сохраняет, хотя и не в первоначальном виде, киевское летописание XII в.; при этом ранняя киевская летопись первой половины XII в., отредактированная в Переяславле Южном, легла в основу владимирской летописи (Лавр.); последняя в конце XII в., пройдя черниговскую обработку или в соединении с черниговской летописью, в свою очередь, стала источником КС [Насонов, с. 80–111, 144–158]. Опираясь на совпадения некрологов Мономаху⁶, А. Н. Насонов считал, что Ипат. передает, возможно, с некоторыми позднейшими изменениями, изначальную версию некролога, на основании которой в Переяславле была составлена новая похвала, сохранившая, несмотря на значительные изменения и дополнение «переяславским колоритом», ряд деталей первоначального текста [Насонов, с. 97–98].

В общих чертах в историографии проблемы соотношения текстов Лавр. и Ипат. отмечались те же положения:

1) Лавр. за первую половину XII в. отражает летописание Переяславля Южного, хотя его происхождение и соотношение с параллельным текстом Ипат. остается дискуссионным;

2) Происхождение северо-восточных известий Ипат. объясняется привлечением владимирской летописи для составления КС в конце XII в. [Шахматов, с. 12–20, 69–79; Перфецкий, с. 32–36; Присёлков, с. 88–95, 108–117; Лимонов, с. 69–91].

Впрочем, А. Н. Насонов не учитывал вероятность обратного влияния: привлеченная для составления КС владимирская летопись уже содержала версию некролога Лавр., которая могла использоваться для составления или редактирования некролога Ипат. Именно в таком ключе соотношение Лавр. и Ипат. рассматривает Т. А. Вилкул. С ее точки зрения, обе летописи восходят к общему протографу (ЛИ), наиболее вероятно, владимирской летописи. К отражению в КС (в Киевской летописи, по терминологии исследовательницы) киевского летописания Т. А. Вилкул относится скептически и полагает, что составитель КС привлекал ЛИ в качестве «осевого источника», сведения которого подвергались перекомпоновке, дополнению по различным источникам и амплификации [Вилкул, с. 232–299]. Т. В. Гимон, хотя и разделяет основные выводы Т. А. Вилкул, считает более вероятным отражение в КС киевского летописания, на которое ранее опирался и составитель переяславской летописи [Гимон 2022, с. 156–161].

Итак, следует вновь обратиться к проблеме текстологии двух некрологов Владимиру Мономаху. С другой стороны, необходимо сравнить оба некролога на предмет конструирования в них образа Владимира Мономаха в контексте летописной традиции посмертных панегириков. Специально сравнению двух текстов была посвящена статья Н. В. Трофимовой [Трофимова 2018], однако в ней не рассматривается текстологический аспект. Описательное сопоставление некрологов встречается и в работах о Владимире Мономахе, но там оно представлено фрагментарно и в виде общих замечаний [Орлов, с. 34–36; Ищенко 2014, с. 49–51].

Для разрешения поднятой текстологической проблемы необходимо прежде всего установить, как формировались известия обеих летописей за первые десятилетия XII в. Для демонстрации нашего видения связи летописных традиций XII в. статья в конце снабжена стеммой.

Текст Повести временных лет (далее – ПВЛ) в Лавр. расходится с Ипат. после статьи 6618 г., хотя уже и в ней наблюдаются разночтения, а со статьи 6620 г. Лавр. передает известия, схожие с Ипат., но более краткие. В данном исследовании мы следуем концепции А. А. Гиппиу-

⁶ А. Н. Насонов отметил только совпадения фрагментов про «слух» и место погребения князя [Насонов, с. 97].

са: Лавр. передает копию ПВЛ 1116 г., сделанную Сильвестром, которую он обновил и продолжил за 6618–6625 гг. по «княжеской» редакции 1117 г. (сама она опиралась на изначальную рукопись Сильвестра), отразившейся, в свою очередь, в Ипат. [Гиппиус 2007; Гиппиус 2008]. Эта рукопись ПВЛ попадает в Переяславль вместе с Сильвестром и становится основанием для последующего переяславского летописания. Однако, несмотря на утрату нового продолжения в рукописи Сильвестра [Гиппиус 2008, с. 20–23], статьи Лавр. за 6620–6625 гг. передают текст, соответствующий повествованию Ипат. за 6619–6625 гг., но лишенный целого ряда дополнительных чтений последней: дат преставлений и мест погребений, пространных описаний некоторых событий, перечислений участников походов и проч. Дополнительные чтения Ипат. к общим с Лавр. известиям прослеживаются и далее на протяжении повествования за первую половину XII в. Вдобавок Ипат. сообщает немало уникальных известий. Подробный фактологический характер дополнительных известий Ипат. делает маловероятным возможность их позднейшего сочинения составителем КС, как полагает Т. А. Вилкул [Вилкул, с. 264–266]. Их происхождение из владимирского источника КС и, следовательно, последующее сокращение в северо-восточном летописании теоретически возможны [Гимон 2023, с. 97], однако вероятность позднего и столь выборочного сокращения деталей в готовом тексте кажется весьма низкой⁷. Некоторые же известия Лавр. и Ипат. схожи лишь тематически, но не текстуально. Например, под 6632 г. обе летописи сообщают о пожаре в Киеве, но дают совершенно разные описания, совпадающие лишь в указании на канун Рождества Иоанна Предтечи [ПСРЛ, т. 1, стб. 293; т. 2, стб. 288].

Различается и хронология летописей: Лавр., за рядом исключений, придерживается мартовского стиля по статье 6678 г., а в Ипат. за XII в. стиль меняется четыре раза, впервые переходя на ультрамартовский со статьи 6633 г. [Бережков, с. 41–43, 124]. Раз составитель КС, привлекая владимирскую летопись, приводил немало число отсутствующих в ней сведений и опирался не на ее хронологию, то он следовал за другим источником с таким же набором известий и чередованием стилей, смена которых могла происходить только по мере постепенного пополнения текста. Т. В. Гимон продемонстрировал, что изменение стилей в Ипат. приблизительно совпадает со сменой игуменов Киево-Печерского монастыря [Guimon, р. 297–302; Гимон 2022, с. 158–160], что позволяет говорить об обители как месте ведения киевской летописи.

Напротив, некоторые известия Ипат. схожи с Лавр. и тематически, и текстуально. Так, сообщение о падении церкви архангела Михаила в конце статьи 6631 г. Лавр. и начале статьи 6632 г. Ипат. текстуально совпадает в обеих летописях, но каждая из них передает уникальные детали: Лавр. сообщает день недели и время и называет епископа Ефрема переяславским; Ипат. указывает причину – землетрясение [ПСРЛ, т. 1, стб. 293; т. 2, стб. 288]. Поскольку известие явно связано с Переяславлем, а Лавр. сохраняет точную датировку, полагаем, соглашаясь с А. Н. Насоновым [Насонов, с. 83], что оно имеет переяславское происхождение и в КС попало посредством владимирской летописи.

В Лавр. и Ипат. совпадает, хотя и с различиями в повествовании, следующий за некрологом Мономаху рассказ о половецком набеге с краткой похвалой Ярополку [ПСРЛ, т. 1, стб. 295–296; т. 2, стб. 289–290]. Обе летописи сохранили здесь уникальные «переяславские маркеры»: Лавр. называет переяславцев «своими» для князя, а Ипат. сообщает о заступничестве архангела Михаила, которому был посвящен собор в Переяславле [Насонов, с. 83; Гимон 2022,

⁷ В ряде случаев Ипат. сохраняет чтения владимирского источника лучше Лавр. [Вилкул, с. 265; Юрьева, с. 8–21; Гимон 2023, с. 97], однако текст Ипат. позволяет говорить о более серьезной правке [Вилкул, с. 232–299; Гимон 2023, с. 94–97]. В Лавр. же наблюдаются скорее механические пропуски или фактологическая правка, но не удаление целого ряда известий с разной тематикой, что делает более вероятным отсутствие этих сведений и во владимирском источнике КС.

с. 154]. Как представляется, оба «маркера» были изначально в переяславской летописи, где и должна была появиться похвала Ярополку, переяславскому князю. Следовательно, попасть в КС она могла только через владимирский источник свода. За рассказом о набеге половцев он передал отсутствующее в Лавр. известие о кончине печерского игумена Прохора, которое также явно восходит к его киевскому источнику. Хотя составитель КС местами сглаживал «переяславский колорит» владимирского источника, пускай и не всегда последовательно, [Гимон 2022, с. 153–156], и иногда пропускал некоторые переяславские известия [Насонов, с. 83–85], он, полагаем, стремился в целом сохранить текст владимирского источника нетронутым, чем и обусловлены текстуальные сходства Ипат. и Лавр. в явно переяславских по происхождению сообщениях.

Конечно, разграничение известий Ипат. по их источникам не всегда надежно. Переяславская летопись, положенная в основание владимирского источника КС, сама пополнялась киевским материалом. Текст на месте утраченного продолжения рукописи Сильвестра, а также последующие общие известия непереяславского происхождения явно восходят к Ипат., но переданы сокращенно. После статьи 6625 г. переяславский летописец продолжает перерабатывать текст киевского источника [Насонов, с. 111] и приводить его хронологию к единому мартовскому знаменателю. Перед составителем КС, следовательно, зачастую были схожие сведения. Однако сравнение статей Лавр. и Ипат. в пределах первой половины XII в. позволяет, в качестве требующей дальнейшей разработки гипотезы, предположить, что киевский сводчик попеременно привлекал известия своих летописных источников, работая «чересполосно по известиям» (о принципах такой работы см.: [Введенский, с. 282]). Это свидетельствует о том, что на рассматриваемом промежутке он не занимался заимствованием мелких деталей или смешением летописей, а последовательно чередовал их известия. Если бы некролог в Ипат. восходил к владимирскому источнику КС, следовало бы ожидать практически полного сходства. Сводчик, полагаем, не нуждался в этом, поскольку в его киевском источнике уже был некролог Мономаху.

Нерешенным остается вопрос, была ли переяславская летопись одномоментной редакцией киевской, или последовательно пополнялась по ней [Насонов, с. 111; Гимон 2022, с. 160], чем затрудняется датировка версии некролога Мономаху в Лавр. (именно «переяславский колорит» в статье 6633 г. позволяет атрибутировать составление некролога переяславскому летописцу [Насонов, с. 98]). Признавая, что переяславская летопись была лишь одномоментной редакцией, следует относить этот редакторский эпизод ближе к середине XII в., когда переяславское летописание в Лавр. сменяется владимирским. Однако появление в рассказе о половецком набеге похвалы Ярополку и дополнение сообщения о вокняжении в Киеве Мстислава словами «а Ярополкъ брат его иде Переяславлю» [ПСРА, т. 1, стб. 295] могут свидетельствовать о начале переяславского летописания и составлении некролога Мономаху уже при Ярополке, до его перехода на киевское княжение в 1132 г. [ПСРА, т. 1, стб. 301]. В таком случае переяславский летописец мог получать киевский летописный материал постепенно, в том числе изустно.

Итак, влияние владимирской летописи на рассматриваемый фрагмент КС не прослеживается⁸. Следовательно, нет оснований пересматривать точку зрения А. Н. Насонова: Ипат. отражает первоначальную версию некролога Мономаху, на основании которой (посредством

⁸ Недавно Т. В. Гимон предложил иначе посмотреть на происхождение известий Лавр. и Ипат. до 1125 г. и отказаться здесь от ключевой для Т. А. Вилкул гипотезы о ЛИ. Согласно Т. В. Гимону, текст Ипат. вплоть до сообщения о вокняжении Мстислава в Киеве не восходит к владимирскому источнику КС (ЛИ), а является гипотетической летописью выдубицкого монастыря, которая, как и переяславская летопись, пополнялась по летописи Киево-Печерского монастыря [Гимон 2025]. Впрочем, добавление в схему дополнительного звена представляется излишним усложнением схемы и не отменяет того, что Ипат. передает киевское летописание XII в., на которое опирается и переяславская летопись.

киевской летописи) в Переяславле была составлена новая похвала, сохранившаяся в Лавр. А. Н. Насонов, однако, специально не останавливался на вопросе, в какой степени первоначальная версия некролога изменилась при дальнейшем развитии киевского летописания. Некролог в Лавр. завершается общей деталью двух версий – сообщением о погребении князя в соборе Св. Софии. В Ипат. оно продолжено сценой отпевания и всеобщего плача, среди участников которой указаны все живые на тот момент сыновья Владимира и «внуци его». Лавр. сообщает, что в погребальной процессии участвовали «боляре» и «сынове», но не называет их по именам и не упоминает отпевание и плач. Значит ли это, что переяславский летописец просто отбросил эти сведения? Проблема, однако, кроется в самой сцене отпевания и плача по Ипат.

Во-первых, она смотрится в тексте некролога неорганично. Об отпевании («пѣвше обычная пѣсни») сообщается только после указания на погребение («положиша»), тогда как описания погребений в летописях всегда следует обратному порядку⁹. Кроме того, в Ипат. из-за появления информации о сыновьях Владимира сведения о Мстиславе дублируются. Обе летописи далее сообщают, что он после погребения отца занял киевский стол [ПСРЛ, т. 1, стб. 295; т. 2, стб. 289]. Однако прежде этого, по логике Ипат., Мстислав вместе с братьями «разидошася кождо въ свою волость», хотя у него не было необходимости покидать Киев. Подобные несостыковки вряд ли могли появиться в тексте изначально и скорее выдают в сцене отпевания и плача вставку.

Во-вторых, вызывает сомнения сообщение об участии в погребении Владимира всех его сыновей и внуков. Владимир, как сообщает Лавр., умер на р. Альте близ основанной им церкви Свв. Бориса и Глеба¹⁰. Погребение князей обычно проходило на следующий день после их кончины¹¹. Согласно идущему за некрологом известию Ипат., Мстислав занял киевский стол уже 20 мая, то есть на следующий день после смерти отца [ПСРЛ, т. 2, стб. 289] и, следовательно, сразу же после его погребения.

Хотя местоположение сыновей и внуков Мономаха в мае 1125 г. доподлинно неизвестно¹², маловероятно, что все они находились рядом с умирающим отцом и дедом. Так, например, в погребении Ярослава Мудрого участвовал только Всеволод, поскольку «Изяславу тогда в Туровѣ князю, а Святославу въ Вододимирѣ (sic!), а Всеволодъ тогда у отца» [ПСРЛ, т. 2, стб. 150] (ср.: [ПСРЛ, т. 1, стб. 161–162])¹³. Напротив, в скорейшем времени к месту кончины отца (согласно Лавр., «сынове» переносят тело отца с р. Альты) или в Киев, где он был погребен, могли прибыть Мстислав, княживший в Белгороде Киевском и занявший после смерти отца киевский стол [ПСРЛ, т. 1, стб. 295; т. 2, стб. 289], а также Ярополк, княживший в Переяславле [ПСРЛ, т. 2, стб. 277] и, согласно Лавр., вернувшийся туда после похорон [ПСРЛ, т. 1, стб. 295].

Более того, летописец перечисляет просто всех живых к 1125 г. сыновей Владимира (при собирательном обозначении внуков). На первый взгляд, противоречия в этом нет. Однако из предшествующего текста он мог узнать о смерти других сыновей князя (Изяслава (ум.

⁹ Так, например, в некрологах Ярополку Изяславичу [ПСРЛ, т. 1, стб. 206; т. 2, стб. 198]; Всеволоду Ярославичу [ПСРЛ, т. 1, стб. 217; т. 2, стб. 208]; Святополку Изяславичу [ПСРЛ, т. 2, стб. 275]; Мстиславу Ростиславичу [ПСРЛ, т. 2, стб. 610]; Всеволоду Юрьевичу [ПСРЛ, т. 1, стб. 437] и др.

¹⁰ Новгородская первая летопись местом смерти Мономаха называет Киев [Новгородская первая летопись, с. 21], но это скорее обобщенное указание.

¹¹ Например, Всеволода Ярославича [ПСРЛ, т. 1, стб. 216; т. 2, стб. 207]; Андрея Доброго [ПСРЛ, т. 1, стб. 309; т. 2, стб. 309]; Юрия Долгорукого [ПСРЛ, т. 2, стб. 489]; Ярослава Осмомысла [ПСРЛ, т. 2, стб. 656] и др.

¹² Андрей в 1123 г. был на столе во Владимире Волынском [ПСРЛ, т. 2, стб. 287]. Юрий, ходивший в 1120 г. в поход на болгар [ПСРЛ, т. 1, стб. 292; т. 2, стб. 285–286], мог, вероятно, находиться в Ростове. Статус Вячеслава, посаженного отцом на Смоленское княжение в 1113 г., неизвестен с 1116 г. [ПСРЛ, т. 2, стб. 282–284] до 1127 г., когда он фиксируется уже как туровский князь [ПСРЛ, т. 1, стб. 297].

¹³ В Лавр., Радз. и М.-А. место княжения Изяслава не указано.

в 1096 г.), Святослава (ум. в 1114 г.) и Романа (ум. в 1119 г.) [ПСРЛ, т. 2, стб. 227, 277, 285]) и на основании этого сделать участниками погребения всех остальных. Составитель более поздней Никоновской летописи, пропустив эти сведения, добавит в некролог типа Лавр. упоминание об участии в погребении Владимира всех его сыновей, в том числе и уже почивших [ПСРЛ, т. 9, с. 152–153]. Конечно, не исключено, что Владимир, предчувствуя скорую кончину, мог созвать сыновей и внуков заранее. Однако явно вставной характер сцены отпевания и плача (отпевание после погребения, дублирование сведений о Мстиславе), отсутствие этих деталей в Лавр. и весьма низкая вероятность скорейшего прибытия сыновей и внуков к Мономаху делают крайне сомнительным появление всей сцены в изначальной версии некролога.

Плачи по князю, тем более «народные», не становятся частью литературной традиции в ПВЛ, где мельком упоминаются только в панегириках Владимиру Святославичу, Ярославу Владимировичу и Всеволоду Ярославичу, которого, однако, оплакивают лишь сыновья [ПСРЛ, т. 1, стб. 130, 162, 217; т. 2, стб. 115, 150–151, 208]. В КС они встречаются в «Повести об убиении Андрея Боголюбского» (пространной редакции), а также в некрологах Мстиславу и Роману Ростиславичам и Владимиру Глебовичу. Свой окончательный вид эти тексты принимают явно уже при составлении КС, а сцена отпевания и плача в некрологе Мономаху содержит ряд повторов (отмечены в таблице курсивом), что находит параллели в работе киевского сводчика, амплифицировавшего летописные известия. Хотя не может быть полностью исключено, что риторическая апелляция летописца к «народу» была призвана служить «династической» легитимации Мономашичей на киевском столе, отсутствие вслед за смертью Владимира каких-либо реальных конфликтов за обладание Киевом и особенно текстологические наблюдения делают более обоснованным именно позднейшее происхождение сцены уже на этапе составления КС. Изначальная версия некролога, следовательно, завершалась аналогично Лавр. сообщением о погребении князя в соборе Св. Софии «у отца», перед которым, возможно, оговаривалось, что отца погребли «сынове».

Рассмотрев некрологи в текстологической перспективе, перейдем к анализу их идейной составляющей. В обоих некрологах Мономах наделен «титлом» «великий князь». А. Поппе справедливо указал, что эпитет «великий» в посмертных панегириках не несет политической нагрузки, а «означает похвалу и признание» [Porpe, s. 172]. Следовательно, в данном случае это не официальный титул, а почетный эпитет в панегирическом контексте. Однако в обеих летописях различается его «владетельная часть»: в Лавр. – «русский», а в Ипат. – «вся Русь». Как установил А. А. Горский, в XI–XIII вв. определение «вся Русь», не являясь официальным титулом, употреблялось только применительно к киевским князьям [Горский, с. 91–92]. Рассмотренные исследователем примеры происходят преимущественно из панегирических текстов (за исключением печати Всеволода Ярославича и послания Луки Хрисоверга Андрею Боголюбскому) [Горский, с. 88–91], а потому в случае с панегириком Мономаху речь вновь идет о почетном определении в высоком контексте [Филюшкин, с. 159], пускай и связанном с реальным политическим статусом князя. Определение «русский», как было указано выше, появляется ранее в некрологе Ярославу Мудрому и, вероятно, заимствуется из него в похвалу Владимиру¹⁴.

Составитель первоначальной версии «удостоил» Владимира Мономаха «всемирной славы»: «егоже слухъ произиде по всимъ странамъ». Подобная характеристика, восходящая,

¹⁴ Появление в некрологе Мономаху возраста, случаи упоминания которого в летописях единичны, также может свидетельствовать об обращении к некрологу Ярославу Владимировичу, где тоже указан возраст [ПСРЛ, т. 1, стб. 162; т. 2, стб. 151].

вероятно, к Мф 4: 24 или Мк 1: 28¹⁵, уникальна. Переяславец заимствовал эту конструкцию, подчеркнув славу князя и тем, что он был «прославив в побѣдах». Однако по сравнению со своим источником переяславский летописец заменил «страны» на «земли», поскольку до этого упомянул «страны» в гиперболизированной характеристике «его имени трепетаху вся страны». Эта идея также восходит к изначальной версии, где объект «устрашения» более «приземленный» и указан конкретно: князь «наипаче же бѣ страшенъ поганымъ». Хотя здесь некролог явно отсылает к многочисленным победам Владимира над половцами, мысль о страхе явно относится и к другим «поганым» (ср.: «прогна Володимеръ берендичи из Руси, а торци и печенѣзи сами бѣжаша» [ПСРА, т. 2, стб. 286]). Однако использование наречия «наипаче» также гиперболизирует характеристику, свидетельствуя, что круг «устрашаемых» не ограничивался лишь «погаными». При этом наделение правителя «всемирной славой» и его характеристика как вызывающего страх могли быть навеяны 1 Пар 14: 17: «И прославися имя Давидово во всех странах, и Господь даде страх его на вся языки». Впрочем, схожие характеристики можно встретить и в других местах Писания, например в Дан 5: 18–19 (применительно к Навуходоносору). Поэтому весьма вероятно, что это место не цитировалось летописцем прямо, а было у него на слуху.

Вдобавок новшество некрологов заключается в том, что они не характеризуют Владимира непосредственно как воина подобно предшествующим некрологам Мстиславу Владимировичу («храборъ на рати» [ПСРА, т. 1, стб. 150]) или Ростиславу Владимировичу («мужъ добль ратенъ» [ПСРА, т. 1, стб. 166])¹⁶.

Оба некролога отмечают милосердие Владимира – традиционный атрибут князя в панегириках. В изначальной версии Владимир лишь односложно назван «нищелюбець». Характеристика в Лавр. впервые становится развернутой и дополняется темой попечительства о Церкви. Согласно Ипат., Владимир был также «братолюбець». Эта характеристика встречается ранее только в некрологе Ярополку Изяславичу («братолубивъ» [ПСРА, т. 1, стб. 206–207; т. 2, стб. 198]). Составитель некролога Лавр. отказался от этой характеристики и развил тему любви в перспективе благочестия: любовь к Господу, любовь к ближнему, любовь к врагу. В Ипат. благочестие князя лишь кратко обозначено эпитетами «благочестивый» и «христолубивый». В Лавр., напротив, благочестию уделено наибольшее внимание, и его описание включает несколько смысловых уровней. Во-первых, Владимир также «благочестивый», но при этом и «украшенъ добрыми нравы». Во-вторых, отмечается его смирение перед Богом, упование на Него и любовь к Нему, чем панегирист и объясняет «всемирную славу» князя. Особо подчеркивается следование Мономаха заповедям. С одной стороны, это подтверждает любовь к Богу: «аще потщимся заповѣди его схранити, тогда явимся Бога любяще». С другой – «помяна слово Господне», Владимир творил милостыню, попечительствовал Церкви и даже «добро творяше врагом своимъ, отпускаше я одарены». В похвале по Лавр. впервые среди некрологов описание добродетелей князя сопровождаются цитатами из Писания, призванными показать, что добродетели были обусловлены как раз следованием библейским истинам¹⁷.

В-третьих, кроме почитания Господа, летописец особо указывает, что князь «велику же вѣру стяжа» к святым Борису и Глебу, которым он посвятил церковь на Альте. Обозначив конкретно только эту церковь (причем дважды: в контексте почитания Бориса и Глеба и как место

¹⁵ Именно здесь употребляется конструкция «слухъ изыде» (применительно к Христу). В Мк 1: 28 к тому же упоминается «страна».

¹⁶ О воинских характеристиках и воинском образе князей в панегириках см.: [Прошин].

¹⁷ Ранее библейские цитаты появляются только в летописной похвале Владимиру Святославичу, где цитаты о милосердии из Мф 9: 13 и Деян 10: 31 дополняют «авторские» рассуждения, а не вводятся так, слово им внимал сам князь [ПСРА, т. 2, стб. 117].

кончины), составитель некролога охарактеризовал активную строительную деятельность князя лишь краткой констатацией «и церкви зижа и украшая». За свое благочестие и добродетели Владимир удостоивается от Бога заступничества («вся бо зломыслы его вда Богъ подъ руцѣ его»; «Богъ покаряше подъ нозѣ его вся врагы»), дара слезной молитвы, прощения грехов и исполнения лет его «в доброденьствѣ».

Как показала Н. В. Трофимова, ряд характеристик в некрологе Лавр. находит прямые параллели в «Поучении» самого Мономаха, призывавшего к любви к Богу и ближнему, к отказу от гордыни, к милосердию, к церковному строительству, к попечительству о духовенстве¹⁸, к слезной молитве; а также отмечавшего Божью милость к себе [Трофимова 2018, с. 92–93; Трофимова 2026, с. 355–357]. Использование схожих стилистических оборотов и привлечение библейских цитат подтверждает знакомство составителя некролога Мономаху с «Поучением», влиянием которого и могут объясняться нововведения некролога Лавр.

Особую сложность представляет интерпретация характеристики Ипат. «иже просвѣти Рускую землю, акы солнце луча пушая». Метафора солнца занимает важное место в христианской книжности (сам Христос – Солнце Правды (Мал 4: 2)) и появляется в древнерусской литературе уже на заре ее формирования [Адрианова-Перетц, с. 27–31]. В пределах КС сравнение князя с солнцем обнаруживается в более позднем некрологе Мстиславу Ростиславичу («уже бо солнце наше заиде ны» [ПСРА, т. 2, стб. 610]), однако оно построено на отождествлении смерти князя с заходом солнца¹⁹. В некрологе Владимиру основу сравнения составляет конструкция «просвѣтити землю», которая в той или иной форме встречается в древнерусской литературе в контексте крещения («Володимиръ землю разора и умягчи, рекше крещениемъ просвѣтивъ» [ПСРА, т. 2, стб. 140]; «благословенъ Господь Иисусъ Христосъ, иже възлюбил новыя люди Рускую землю, и просвѣтити ю крещениемъ святымъ» [ПСРА, т. 2, стб. 103]) и применительно к Феодосию Печерскому («преподобнаго сего мужа, иже тако свѣтя ся, просвѣти монастырь свои» [Успенский сборник, с. 93]), который также «паче солнца въсиявъ добрыми дѣлы» [Успенский сборник, с. 93]. Впрочем, о «просвещении» Феодосием монастыря сообщается в контексте чудесного знамения: в ночи только над обителью появляется свет – свет самого Феодосия.

Конечно, Владимир Мономах не был ни князем-крестителем, ни святым подвижником. Возможное почитание Владимира как святого²⁰ подтверждается только сценой отпевания и плача, где князь назван «святым» («плакахуся по святомъ и добромъ князи»). Но поскольку эта сцена появляется позднее, то реалии, которые она отражает, – вопрос иного времени, выходящий за рамки настоящего исследования. К тому же в приведенных примерах отсутствует сравнение с солнцем. В. П. Адрианова-Перетц связывает метафору света солнца со славой «святого, вообще героя или государства» [Адрианова-Перетц, с. 31]. Учитывая, что сразу же конструкцией «иже просвети...» следует характеристика «его же слух произиде...», наделяющая Мономаха «всемирной славой», такое объяснение представляется вполне возможным. В таком случае славен не только князь, но и сама Русская земля, прославленная им, словно освещенная лучами его собственной славы.

¹⁸ Хотя фрагмент «приимая отъ них молитвы» свидетельствует именно о связи с «Поучением» (ср.: «приимите от них молитву от Бога» [ПСРА, т. 1, стб. 245]), фрагменты «чтѣшеть же излиха...» и «подавая имъ еже на потребу...» могут указывать на обращение составителя некролога и к похвале Всеволоду Ярославичу (ср.: «възда чѣсть епископомъ и презвутером, излиха же любяше черноризци, [и] подаваше требованье имъ» [ПСРА, т. 1, стб. 216]).

¹⁹ Схожая метафора смерти князя как угасания света (но уже не солнечного) появляется и в «Повести об убийнии Андрея Боголюбского»: «рыдаеть же множество правовѣрныхъ зряще... звѣзду свѣтоносну помрачаему» [ПСРА, т. 2, стб. 585].

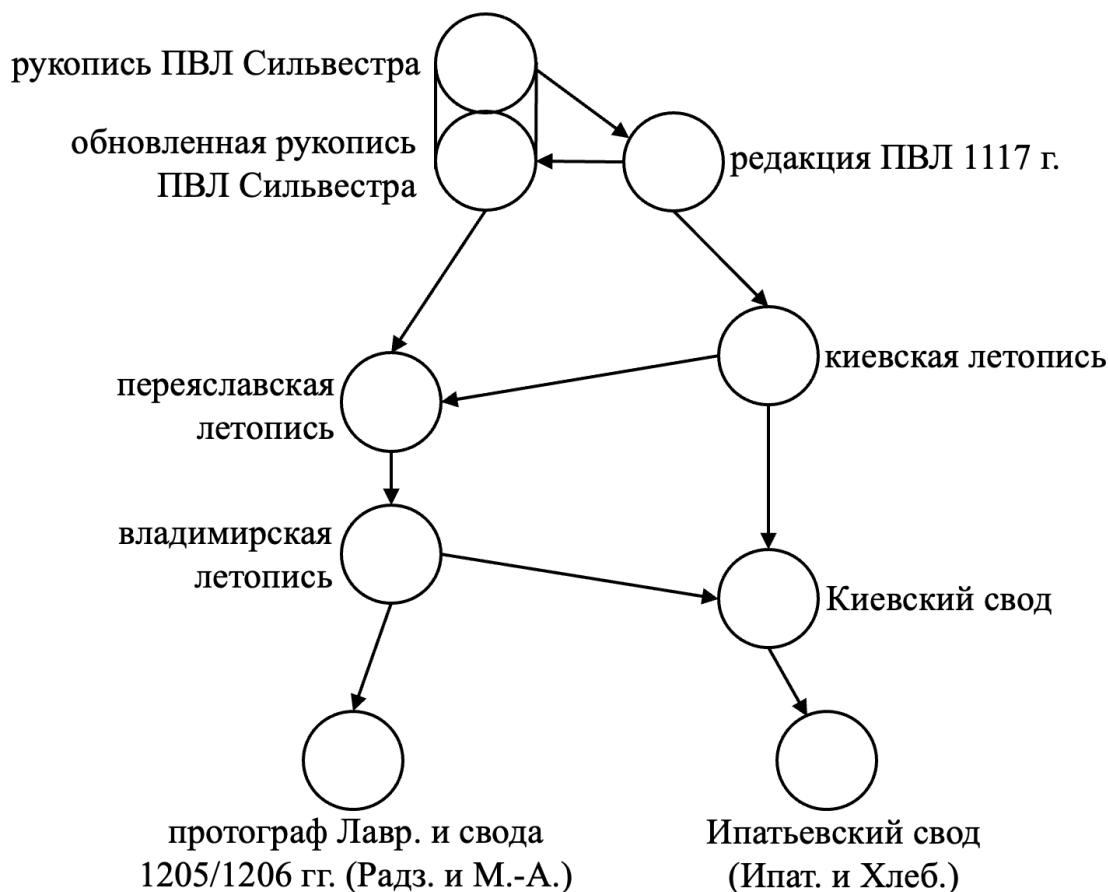
²⁰ См. об этом: [Ищенко 2015].

Завершает похвалу в Ипат. еще одна нетипичная для некрологов характеристика: «добрыи страдалец за Рускую землю». Вряд ли речь идет о «страдании» в современном значении [Толочко, с. 24–25]. Древнерусское слово обозначало также ‘радение’, ‘труд’ [СДРЯ, с. 569–574], что лучше подходит контексту некролога. Хотя такая характеристика не прижилась в традиции летописных панегириков, в этом определении кроется главное в понимании книжниками власти князя, призванного, в первую очередь, быть «нищелюбцем» (шире – милосердным) и попечителем Церкви. Составитель некролога в Лавр., пространно описывая эти добродетели, эксплицитно развивает ту же идею общественного служения князя. Обе характеристики киевской версии явно выбиваются из сложившегося на тот момент узуса их употребления. Поэтому, вероятно, переяславский летописец и отказался от них, поскольку они, на его взгляд, не вполне подходили Мономаху.

В конечном счете история двух некрологов Владимиру Мономаху представляется следующим образом. Панегирик князю впервые появляется под пером киевского летописца, работавшего, вероятно, в Печерском монастыре. Ипатьевская летопись сохранила этот изначальный текст, дополненный на этапе составления КС сценой отпевания и плача. Летописец создал похвалу, заметно выделяющуюся на фоне предшествующих некрологов выбранными характеристиками. Владимир Мономах называется братолюбцем и нищелюбцем, преподносится обладающим «всемирной славой» и страшным для поганых, радетелем («страдальцем») за Русскую землю, и даже ее «просветителем». На текст киевской летописи опирался переяславский летописец, но он фактически составил новую похвалу (сохранилась в Лавр.), хотя оставил и даже гиперболизировал некоторые детали первоначальной версии. Так, князь прежде всего украшен добрыми нравами, а уже после – прославлен в победах, обладает «всемирной славой» и вызывает страх по всем странам. Принципиальное отличие состоит в том, что переяславский книжник находит этому объяснение: Владимир, сохраняя страх Божий, всей душой возлюбил Господа, во всем уповал на него, хранил его заповеди и не возносился сам. За милосердие и личное благочестие Владимир Мономах получает заступничество и покровительство Господа, прощение прегрешений.

Как изначальный текст, дополненный впоследствии сценой отпевания и плача, так и составленная на его основании переяславская версия стали новыми этапами в развитии традиции летописных посмертных панегириков. Составитель киевской версии некролога преимущественно отказался от клишированных характеристик. Переяславский летописец сделал похвалу пространной, снабдил ее библейскими цитатами и уделил первостепенное внимание личному благочестию князя. Северо-восточное летописание в дальнейшем развивалось по пути составления схожих панегириков, цитирований некролога Владимиру Мономаху²¹ и конструирования образа князя прежде всего как примерного, благочестивого и добродетельного христианина. При этом обращение к данным темам (милосердию, любви к духовенству и т. д.) в более поздних панегириках Киевского свода, например, посвященных Ростиславичам [Конявская], вполне может быть объяснено привлечением сводчиком переяславской версии некролога Мономаху из владимирского источника в качестве образца, поскольку свой окончательный вид эти тексты приняли, наиболее вероятно, под его пером [Конявская, с. 91], хотя сама похвала Владимиру осталась в своде без существенных изменений.

²¹ В похвалах Всеволоду Юрьевичу, Константину и Юрию Всеволодовичам [ПСРЛ, т. 1, с. 436–437, 442–444, 467–469].

Стемма. Связь летописных традиций в XII в.

Источники

Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950. 640 с.
ПСРА. М., 1997. Т. 1. Н, VIII, 733 с.; М., 1998. Т. 2. XXVIII с., 938 стб., 146 с.; М., 2000. Т. 9. 288 с.
СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2016. Т. 11. 744 с.
Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. 754 с.

Литература

Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. Л., 1948. 185 с.
Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. 376 с.
Введенский А. М. Приемы работы летописцев 1440-х гг. с летописными источниками (Летопись Авраамки, Рогожский летописец и Комиссионный список Новгородской I летописи) // Graphosphera. 2024. Т. 4. № 2. С. 278–295. DOI 10.32608/2782-5272-2024-4-2-278-295
Вилкул Т. А. Летопись и хронограф. Текстология домонгольского киевского летописания. М., 2019. 459 с.
Гимон Т. В. Летописание Переяславля-Южного в 1110-х – первой половине 1140-х гг. // Graphosphera. 2022. Т. 2. № 2. С. 146–164. DOI 10.32608/2782-5272-2022-2-2-146-164
Гимон Т. В. Владимиро-суздальские известия второй половины XII века в составе Киевского свода // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 1 (60). С. 89–101. DOI 10.17072/2219-3111-2023-1-89-101
Гимон Т. В. Летописание в Киеве и Переяславле-Южном в 1110-х – первой половине 1120-х гг. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов XIII Международной научной кон-

ференции (8–12 сентября 2025 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2025. С. 20–21.

Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44.

Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 3–24.

Горский А. А. «Бешчисленныя рати и великия труды...»: проблемы русской истории X–XV вв. СПб., 2018. 416 с.

Ищенко А. С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону, 2014. 276 с.

Ищенко А. С. Почитание Владимира Мономаха в церковной литературе // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2015. Вып. 4. С. 100–111.

Конявская Е. Л. Некрологи Ростиславичам в Ипатьевской летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 4 (70). С. 85–92.

Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. 199 с.

Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. 556 с.

Орлов А. С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946. 191 с.

Перфецкий Е. Ю. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922. 101 с.

Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1996. 325 с.

Прошин А. В. Образ идеального князя-воина в некрологах древнерусского летописания (XI – начало XIII в.) // Vox medii aevi. 2025. Vol. 1 (12). С. 13–36. DOI 10.24412/2587-6619-2025-12-13-36

Толочко О. П. Русь: держава і образ держави. Київ, 1994. 37 с.

Трофимова Н. В. Две летописные похвалы Владимиру Мономаху // Русская речь. 2018. № 6. С. 90–94. DOI 10.31857/S013161170003012-2

Трофимова Н. В. «Поучение» Владимира Мономаха и некрологическая похвала князю в Лаврентьевской летописи // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2026. Сб. 25. С. 349–359. DOI 10.22455/HORL.1607-6192-2026-25-349-359

Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. 254 с.

Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. 372 с.

Юрьева И. С. Общий текст Киевской и Суздальской летописей. М., 2022. 208 с.

Guimon T. V. Historical Writing of Early Rus (c. 1000 – c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden, 2021. xv, 477 p.

Poppe A. Words that Serve the Authority: On the Title of “Grand Prince” in Kievan Rus’ // Acta Poloniae Historica. Warsaw, 1989. T. 60. S. 159–184.

References

Adrianova-Peretts, V. P. Ocherki poeticheskogo stilya Drevnei Rusi. Leningrad, 1948. 185 p. (In Russ.)

Berezhkov, N. G. Khronologiya russkogo letopisaniya. Moscow, 1963. 376 p. (In Russ.)

Filyushkin, A. I. Tituly russkikh gosudarei. Moscow; Saint Petersburg, 2006. 254 p. (In Russ.)

Gippius, A. A. K probleme redaktsii Povesti vremennykh let. I. In *Slavyanovedenie*. 2007. No. 5. Pp. 20–44. (In Russ.)

Gippius, A. A. K probleme redaktsii Povesti vremennykh let. II. In *Slavyanovedenie*. 2008. No. 2. Pp. 3–24. (In Russ.)

Gorskii, A. A. “Beshchislenyya rati i velikiya trudy...”: problemy russkoi istorii X–XV vv. Saint Petersburg, 2018. 416 p. (In Russ.)

Guimon, T. V. Historical Writing of Early Rus (c. 1000 – c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden, 2021. xv, 477 p.

Guimon, T. V. Letopisanie Pereyaslavlya-Yuzhnogo v 1110-kh – pervoi polovine 1140-kh gg. In *Graphosphaera*. 2022. Vol. 2. No. 2. Pp. 146–164. DOI 10.32608/2782-5272-2022-2-2-146-164 (In Russ.)

Guimon, T. V. Vladimiro-suzdal’skie izvestiya vtoroi poloviny XII veka v sostave Kievskogo svoda. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 2023. No. 1 (60). Pp. 89–101. DOI 10.17072/2219-3111-2023-1-89-101 (In Russ.)

- Guimon, T. V. Letopisanie v Kieve i Pereyaslavle-Yuzhnom v 1110-kh – pervoi polovine 1120-kh gg. In *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi. Sbornik materialov XIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (8–12 sentyabrya 2025 g., Moskva, Rossiya). Prilozhenie k zhurnalu “Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki”*. Moscow, 2025. Pp. 20–21. (In Russ.)
- Ishchenko, A. S. Vladimir Monomakh v russkom obshchestvenno-istoricheskom soznanii: mifologicheskii obraz i istoricheskaya real’nost’. Rostov-na-Donu, 2014. 276 p. (In Russ.)
- Ishchenko, A. S. Pochitanie Vladimira Monomakha v tserkovnoi literature. In *Paleorosiya. Drevnyaya Rus’: vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. 2015. Iss. 4. Pp. 100–111. (In Russ.)
- Konyavskaya, E. L. Nekrologi Rostislavicham v Ipat’evskoi letopisi. In *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki*. 2017. No. 4 (70). Pp. 85–92. (In Russ.)
- Limonov, Yu. A. Letopisanie Vladimiro-Suzdal’skoi Rusi. Leningrad, 1967. 199 p. (In Russ.)
- Nasonov, A. N. Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniya. Moscow, 1969. 556 p. (In Russ.)
- Orlov, A. S. Vladimir Monomakh. Moscow; Leningrad, 1946. 191 p. (In Russ.)
- Perfetskii, E. Yu. Russkie letopisnye svody i ikh vzaimootnosheniya. Bratislava, 1922. 101 p. (In Russ.)
- Poppe, A. Words that Serve the Authority: On the Title of “Grand Prince” in Kievan Rus’. In *Acta Poloniae Historica*. Warsaw, 1989. T. 60. S. 159–184.
- Priselkov, M. D. Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv. 2nd edition. Saint Petersburg, 1996. 325 p. (In Russ.)
- Proshin, A. V. Obraz ideal’nogo knyazya-voina v nekrologakh drevnerusskogo letopisaniya (XI – nachalo XIII v.). In *Vox medii aevi*. 2025. Vol. 1 (12). Pp. 13–36. DOI 10.24412/2587-6619-2025-12-13-36 (In Russ.)
- Shakhmatov, A. A. Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vv. Moscow; Leningrad, 1938. 372 p. (In Russ.)
- Tolochko, O. P. Rus’: derzhava i obraz derzhavi. Kiev, 1994. 37 p. (In Ukr.)
- Trofimova, N. V. Dve letopisnye pokhvaly Vladimiru Monomakhu. In *Russkaya rech’*. 2018. No. 6. Pp. 90–94. DOI 10.31857/S013161170003012-2 (In Russ.)
- Trofimova, N. V. “Pouchenie” Vladimira Monomakha i nekrologicheskaya pokhvala knyazyu v Lavrent’evskoi letopisi. In *Germenevtika drevnerusskoi literatury*. Moscow, 2026. Iss. 25. Pp. 349–359. DOI 10.22455/HORL.1607-6192-2026-25-349-359 (In Russ.)
- Vilkul, T. L. Letopis’ i khronograf. Tekstologiya domongol’skogo kievskogo letopisaniya. Moscow, 2019. 459 p. (In Russ.)
- Vvedenskii, A. M. Priemy raboty letopistsev 1440-kh gg. s letopisnymi istochnikami (Letopis’ Avraamki, Rogozhskii letopisets i Komissionnyi spisok Novgorodskoi I letopisi). In *Graphosphaera*. 2024. Vol. 4. No. 2. Pp. 278–295. DOI 10.32608/2782-5272-2024-4-2-278-295 (In Russ.)
- Yur’eva, I. S. Obshchii tekst Kievskoi i Suzdal’skoi letopisei. Moscow, 2022. 208 p. (In Russ.)

Alexey V. Proshin
National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

TWO CHRONICLE OBITUARIES OF VLADIMIR MONOMAKH:
A HISTORICAL AND TEXTUAL STUDY

This article provides a textual analysis and comparison of the two obituaries of Vladimir Monomakh in the Laurentian and Hypatian Chronicles. The author traces the textual connection between them and examines their place within the tradition of princely obituaries.

Keywords: Vladimir Monomakh, Old Rus, chronicle obituaries, Hypatian Chronicle, Laurentian Chronicle, Kievan Code, Pereyaslav chronicles, textual criticism